

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
3 November 2021
Russian
Original: French

Комитет по правам ребенка

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 95/2019* **

<i>Сообщение представлено:</i>	А.М. (представлена адвокатами Борисом Вийкстрёмом и Габриэллой Тау)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	М.К.А.Х.
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата сообщения:</i>	27 августа 2019 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	22 сентября 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	высылка ребенка и его матери в Болгарию
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; обоснованность жалоб
<i>Вопросы существа:</i>	дискриминация; наилучшее обеспечение интересов ребенка; развитие ребенка; право ребенка быть заслушанным в ходе любого затрагивающего его судебного или административного разбирательства; защита и гуманитарная помощь в интересах детей-беженцев; осуществление права ребенка на наивысший достижимый уровень здоровья; бесчеловечное или унижающее достоинство обращение
<i>Статьи Конвенции:</i>	2 (п. 2), 3, 6, 7, 12, 16, 22, 24, 27, 28, 29, 37 и 39
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	7 (пп. е) и f))

1.1 Автор сообщения является А.М., гражданка Сирии, родившаяся 13 января 1981 года. Она утверждает, что ее сын, М.К.А.Х., лицо без гражданства, родившийся 1 июня 2007 года, станет жертвой нарушения государством-участником его прав, предусмотренных статьями 2 (п. 2), 6, 7, 16, 22, 24, 27, 28, 29, 37 и 39 Конвенции,

* Приняты Комитетом на его восемьдесят восьмой сессии (6–24 сентября 2021 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Сюзанн Ахо Ассума, Хинд Айюби Идриси, Ринчен Чопхел, Браги Гудбрандссон, Сопио Киладзе, Гехад Мади, Фейт Маршалл-Харрис, Беньям Давит Мезмур, Отани Микико, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Зара Рату, Ансату Аласан Сидику, Анн Мари Скелтон и Бенуа Ван Кейрсбилк.

в случае его возвращения в Болгарию в соответствии с Соглашением между Федеральным советом Швейцарии и Правительством Республики Болгария о реадмиссии лиц, въехавших или проживающих без разрешения, от 21 ноября 2008 года. Она также утверждает, что во время процедуры предоставления убежища были нарушены права М.К.А.Х., предусмотренные статьями 3 и 12 Конвенции. Автор сообщения представлена адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 24 июля 2017 года.

1.2 В соответствии со статьей 6 Факультативного протокола 28 сентября 2019 года Рабочая группа по сообщениям, действуя от имени Комитета, просила государство-участник отложить высылку автора и ее сына в Болгарию до окончания рассмотрения их дела Комитетом.

Факты в изложении автора¹

2.1 М.К.А.Х. родился в Дамаске, в лагере беженцев Ярмук, находящемся под управлением палестинских властей. Позднее он и его семья переехали в Ельду в Сирийской Арабской Республике, где он испытал на себе все последствия жестокой гражданской войны. В течение длительного времени он жил в условиях осады, организованной ИГИЛ, и стал непосредственным свидетелем боев между повстанческими группами и сирийской армией за контроль над их деревней. В течение нескольких месяцев он не мог выйти из дома в дневное время, поскольку это было небезопасно. Несколько членов его семьи, включая деда, погибли в результате взрыва реактивного снаряда.

2.2 В 2014 или 2015 году отец М.К.А.Х., палестинец из Иордании, был арестован на своем рабочем месте сирийскими силами безопасности и с тех пор исчез. После исчезновения отца автор решила скрываться вместе с М.К.А.Х.

2.3 В июле 2017 года автор и М.К.А.Х. покинули Сирийскую Арабскую Республику ради своей безопасности. Они бежали по подземным туннелям из Ельды в Дамаск. С помощью проводников они добрались на машине до Идлиба, где после нескольких неудачных попыток пересекли границу с Турцией. Затем они два дня пробирались пешком через леса в Болгарию, где проводники держали их в квартире примерно две недели. Когда они попытались пересечь границу Румынии по пути в Сербию, их перехватили румынские пограничники, задержали на ночь и передали болгарской полиции.

2.4 В Болгарии автора и М.К.А.Х. в течение трех дней держали без пищи и воды в напоминающем тюрьму сооружении недалеко от границы. Их группу поместили в две очень маленькие камеры без окон и подвергли личному досмотру, во время которого всех заставили раздеться, что стало особенно травмирующим опытом для автора. Членов группы по очереди допрашивали сотрудники болгарской полиции, которые подвергали их словесному и физическому насилию, особенно молодых людей. Затем их перевели в другую тюрьму, где они находились в течение десяти дней.

2.5 В этой тюрьме было две больших общих камеры, в каждой из которых содержалось от 50 до 70 мигрантов. Мужчины, женщины и дети были перемешаны. Они получали двухразовое питание и имели по одному одеялу на человека. Не имея матрасов, они спали прямо на полу. Их запирали в камеры в 22 ч. 30 мин, и им не разрешалось выходить в туалет до следующего утра.

2.6 Примерно через десять дней болгарские власти предоставили автору выбор: «подписать бумагу» или остаться в тюрьме. Несмотря на присутствие адвоката и переводчика, никто не объяснил ей содержание документа, который ей предложили подписать. Она согласилась только потому, что боялась остаться в этой тюрьме. 29 сентября 2017 года автор и М.К.А.Х. были зарегистрированы в качестве просителей убежища в Болгарии. 24 апреля 2018 года Болгария предоставила им дополнительную защиту.

¹ Информация о процедуре предоставления убежища в Швейцарии была дополнена данными, предоставленными государством-участником.

2.7 Затем автор и М.К.А.Х. были помещены в лагерь, где они три месяца содержались в условиях крайней скученности, отсутствия безопасности и голода. В течение этого времени М.К.А.Х. не посещал школу. Питание в лагере часто было настолько плохим, что автору приходилось использовать свои скудные ресурсы в поиске провизии за пределами лагеря.

2.8 После второй неудачной попытки пересечь границу с Румынией автор и М.К.А.Х. были вновь перехвачены и возвращены в лагерь, где они находились в течение примерно пяти месяцев.

2.9 Затем автор и М.К.А.Х. вернулись в Турцию, откуда они перебрались в Швейцарию, спрятавшись в кузове автомобиля. Эта поездка длилась от пяти до семи дней. По прибытии в Швейцарию они сразу же разыскали брата автора и его семью, и, пробыв у них два дня, они заявили о себе швейцарским властям.

2.10 6 августа 2018 года автор и М.К.А.Х. подали ходатайство о предоставлении убежища. Они не были представлены адвокатом, поскольку не имели финансовых средств, чтобы заплатить за него. Автор обратила внимание на то, что ее брат является единственным членом ее семьи, проживающим в Европе, что она потеряла многих родных во время конфликта, что она «психологически истощена» и что в окружении брата и членов его семьи она чувствует себя в безопасности, в которой она так нуждается. Она попросила разрешить ей жить в кантоне, где проживает ее брат. М.К.А.Х. не принимал участия в беседе.

2.11 4 сентября 2018 года Государственный секретариат по вопросам миграции обратился к болгарским властям с просьбой о реадмиссии автора и М.К.А.Х. в соответствии с Соглашением между Федеральным советом Швейцарии и правительством Республики Болгария о реадмиссии лиц, въехавших или проживающих без разрешения, от 21 ноября 2008 года. 7 сентября 2018 года власти Болгарии удовлетворили эту просьбу.

2.12 25 сентября 2018 года Государственный секретариат по вопросам миграции принял решение отклонить ходатайство о предоставлении убежища автору и М.К.А.Х. и распорядился выслать их в Болгарию, где им была предоставлена дополнительная защита. По мнению Государственного секретариата, даже если утверждения об обращении с автором и М.К.А.Х. в Болгарии соответствуют действительности, они имеют право на социальную защиту и на отстаивание своих прав в суде.

2.13 3 октября 2018 года автор, на этот раз представленная адвокатом, подала апелляцию в Федеральный административный суд. Она отметила, что во время своего пребывания в Болгарии она не имела доступа к программам интеграции и что М.К.А.Х. не посещал школу. Она упомянула о риске бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в лагерях для беженцев в Болгарии. Будучи матерью-одиночкой, она вряд ли найдет оплачиваемую работу и рискует оказаться бездомной. Это было бы равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению с ее сыном. Она нуждается в помощи в реадaptации, которую она может получить в Швейцарии и которая может увенчаться успехом, но которая невозможна в Болгарии. Она объяснила, что ее брат и его семья являются ее единственными родственниками в Европе и что психологическое и эмоциональное здоровье и социальная интеграция ее и ее сына зависят от них.

2.14 30 апреля 2019 года Федеральный административный суд отклонил апелляцию автора на решение Государственного секретариата по вопросам миграции. Суд добавил, что в Болгарии имеются медицинские учреждения и возможности для лечения заболеваний, которые имеет ввиду автор, говоря о своем психическом расстройстве.

2.15 24 июня 2019 года автор и М.К.А.Х. обратились в Государственный секретариат по вопросам миграции с ходатайством о пересмотре решения, которое было отклонено 25 июня 2019 года. 11 июля 2019 года они подали апелляцию в Федеральный административный суд. Суд посчитал, что иск не имеет разумных перспектив на успех, и потребовал внести аванс в счет будущих судебных расходов в размере 1 626,73 долл. США. Автор не смогла авансом оплатить будущие судебные издержки,

и 14 августа 2019 года Трибунал отклонил апелляцию ввиду неуплаты, не рассматривая ее по существу. Автор утверждает, что она исчерпала все внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что права М.К.А.Х., предусмотренные в статьях 2 (п. 2), 6, 7, 16, 22, 24, 27, 28, 29, 37 и 39 Конвенции будут нарушены государством-участником, если он будет выслан в Болгарию, где ему грозит реальная угроза бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

3.2 Автор утверждает, что права М.К.А.Х., предусмотренные в статье 2 (п. 2) Конвенции, будут нарушены в случае высылки, поскольку ему будет отказано в признании его статуса апатрида. В Болгарии нет законодательства, которое позволило бы признать безгражданство М.К.А.Х. Автор отмечает, что законопроект, находящийся на рассмотрении парламента, не поможет ее сыну, так как для признания безгражданства необходимо, чтобы человек родился в Болгарии или въехал в нее на законных основаниях.

3.3 Кроме того, автор утверждает, что швейцарские власти не объяснили, каким образом постановление о высылке совместимо с наилучшими интересами ее ребенка, и тем самым нарушили процессуальное и материальное обязательство, закрепленное в пункте 1 статьи 3 Конвенции. В своем решении Федеральный административный суд никак не отреагировал на утверждения автора о том, что в Болгарии М.К.А.Х. подвергался словесным и физическим нападениям ксенофобского характера, содержался под стражей в бесчеловечных условиях и страдал от бесчеловечных условий жизни в лагерях, в которые он, вероятно, вернется в случае возвращения в эту страну. Суд также не принял во внимание тот факт, что М.К.А.Х. не посещал школу в Болгарии, хотя прожил там почти год, что автор и М.К.А.Х. не получали никакой помощи в интеграции в местное общество и не имели родственников в Болгарии. Тот факт, что они могут оказаться бездомными без крыши над головой, также не был рассмотрен судом.

3.4 Автор указывает, что путешествие М.К.А.Х. в Швейцарию длилось более года и стало для него в высшей степени травмирующим опытом. Возвращение в Болгарию, где он не может рассчитывать на поддержку родственников, и, скорее всего, останется без крова, нанесет ему новую тяжелую травму. Всю свою жизнь он может ощущать себя жертвой социальной изоляции, дискриминации и ксенофобии. Поэтому его высылка явно противоречит его наилучшим интересам ребенка. Автор ссылается на медицинское заключение от 23 июля 2019 года, в котором указано, что М.К.А.Х. находится в состоянии тревоги и депрессии, вызванном травмирующим опытом его миграции в Швейцарию. Его лечащие врачи выступают против его возвращения в Болгарию.

3.5 Автор ссылается на открытую достоверную информацию, которая показывает, что Болгария не предлагает никакой помощи в интеграции лиц, пользующихся международной защитой. Она ссылается на вышедший в январе 2019 года доклад по Болгарии, в основе которого лежат сведения из базы данных Европейского совета по делам беженцев и эмигрантов, где описывается «ситуация нулевой интеграции», что означает, что в Болгарии до сих пор нет действующей программы помощи лицам, пользующимся международной защитой². Доступ к жилью, школьному образованию и медицинскому обслуживанию для бенефициаров международной защиты либо сильно ограничен, либо отсутствует. Лица, получившие статус беженца или дополнительную защиту, утрачивают право на жилье по истечении шести месяцев с даты предоставления им статуса. По истечении этого срока их выселяют из приютов и

² Conseil européen sur les réfugiés et les exilés, *Country Report: Bulgaria*, janvier 2019. См. также Conseil de l'Europe, «Rapport de la visite d'information de l'Ambassadeur Tomáš Boček», document SG/Inf(2018)18, 19 avril 2018, p. 19; Margarine Zoetewij et Adriana Romer, «Bulgarie : situation actuelle des personnes requérantes d'asile et des personnes au bénéfice d'un statut de protection», Organisation suisse d'aide aux réfugiés, 30 août 2019, p. 22 et 23; и Organisation suisse d'aide aux réfugiés, «Renoncer aux transferts vers la Bulgarie», 12 septembre 2019.

оставляют на произвол судьбы. Кроме того, административные препятствия делают практически невозможным поиск жилья за пределами приютов для просителей убежища. Автор также сообщает, что международные органы и национальные суды начали вмешиваться, чтобы предотвратить депортацию уязвимых бенефициаров международной защиты в Болгарию из-за угрозы бесчеловечного и унижающего достоинство обращения³.

3.6 Автор также утверждает, что во время собеседования в рамках процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища М.К.А.Х. не имел возможности высказать свое мнение, что является нарушением требования статьи 12 Конвенции.

3.7 Автор добавляет, что М.К.А.Х., являясь крайне уязвимым в силу полученных им травм ребенком, установил доверительные отношения со своим дядей и двоюродными братьями, с которыми он общается ежедневно. Они представляют для него незаменимый источник эмоций и культуры. Высылка М.К.А.Х. в Болгарию разрушит эти узы и будет представлять собой произвольное и незаконное вмешательство в его личную жизнь в нарушение статьи 16 Конвенции.

3.8 Что касается предполагаемого нарушения статьи 22 Конвенции, автор утверждает, что права, на которые она ссылается в своем сообщении, должны толковаться в свете позитивных обязательств Швейцарии по отношению к М.К.А.Х. с учетом его статуса просителя убежища, т. е. обязательств обеспечить необходимую защиту для осуществления прав, изложенных в Конвенции. Крайняя уязвимость детей — просителей убежища налагает на государства особые обязанности проявлять разумную осторожность и заботу.

3.9 Автор утверждает, что исполнение Швейцарией постановления о высылке также нарушит запрет на жестокое обращение, предусмотренный в статье 37 Конвенции, поскольку М.К.А.Х. будет повторно травмирован этой высылкой, а условия нахождения в Болгарии лиц, которым предоставлена дополнительная защита, являются бесчеловечными и унижающими достоинство.

3.10 Автор также утверждает, что в случае высылки М.К.А.Х. будут нарушены его права по статье 39 Конвенции. В силу травмы, которую причинил ему вооруженный конфликт, своего путешествия в качестве просителя убежища и жестокого обращения, которому он подвергся в Болгарии, он имеет право на физическую и психологическую реабилитацию и социальную интеграцию. В Болгарии он рискует остаться без необходимого медицинского лечения, так как не сможет оплатить частную страховку. Автор объясняет, что после предоставления международной защиты человек теряет право на бесплатное медицинское обслуживание и должен самостоятельно оформить медицинскую страховку⁴. Высылка М.К.А.Х. в Болгарию станет для него еще одной серьезной травмой, что само по себе будет означать нарушение его права на реабилитацию в соответствии со статьей 39 Конвенции.

Материалы, представленные третьими сторонами

4.1 31 марта 2020 года Центр ЕЦКИП, Европейский совет по делам беженцев и эмигрантов и Голландский совет по делам беженцев сделали представление в качестве третьих сторон.

4.2 Заинтересованные стороны утверждают, что в соответствии с принципом наилучшего обеспечения интересов ребенка и для того, чтобы воспользоваться надлежащей защитой по смыслу статьи 22 Конвенции, дети в контексте миграции должны иметь доступ к процедурам и мерам, которые уважают их основные права, включая право быть выслушанными⁵.

³ См., например, *P.A.A. и З.М. против Дании* (CCPR/C/118/D/2608/2015).

⁴ *Margarite Zoetewij et Adriana Romer, « Bulgarie : situation actuelle des personnes requérantes d'asile et des personnes au bénéfice d'un statut de protection », Organisation suisse d'aide aux réfugiés, 30 août 2019, p. 23 et 24.*

⁵ См., например, следующие дела, рассматривавшиеся в Европейском суде по правам человека: *Mubilanzila Mayeka et Kaniki Mitunga c. Belgique*, requête n° 13178/03, arrêt, 12 octobre 2006,

4.3 Заинтересованные стороны также утверждают, что серьезные нарушения экономических и социальных прав могут дать повод сослаться на запрет принудительного возвращения (*non-refoulement*), если речь идет об унижительных условиях жизни, лишении средств к существованию, крайних лишениях или отсутствии медицинской помощи. В обязанности государств-участников входит проведение индивидуальной оценки угроз, с которым ребенок столкнется в стране возвращения⁶.

4.4 Заинтересованные стороны отмечают, что, определяя, может ли ситуация крайней материальной бедности вызвать вопрос по статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека), Европейский суд по правам человека напомнил, что он не исключает «возможность привлечения государства к ответственности [по статье 3] в случае, когда заявитель, полностью зависящий от государственной помощи, сталкивается с безразличием со стороны властей, находясь в ситуации лишения или нужды, настолько серьезной, что она несовместима с человеческим достоинством»⁷.

4.5 Они также отмечают, что в соответствии с законодательством ЕС Суд Европейского союза постановил, что проситель убежища не может быть передан в государство — член ЕС, которое ранее предоставило ему международную защиту, если условия жизни заявителя ставят его в условия крайней материальной бедности в нарушение запрета на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение⁸.

4.6 Заинтересованные стороны указали далее, что Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев отметило в отношении Болгарии, что отсутствие адекватных условий приема и перспектив интеграции вынуждает многих просителей убежища покидать страну до рассмотрения их ходатайств или вскоре после предоставления убежища, что в Болгарии не существует адресных мер содействия интеграции и поддержки людей с особыми потребностями, и что беженцы сталкиваются с рядом юридических и практических препятствий в доступе к конкретным правам, включая право на жилье и социальную помощь. После получения статуса им может быть разрешено оставаться в центрах приема беженцев, на дискреционной основе, на срок до шести месяцев, но без права на питание. Угроза остаться без жилья является вполне реальной⁹.

4.7 Кроме того, заинтересованные стороны отмечают, что болгарское законодательство трактует основания для прекращения защиты шире, чем квалификационная директива ЕС, добавляя к причинам, ведущим к прекращению защиты, непродление болгарских документов, удостоверяющих личность, на срок более трех лет, и де-факто вводя дополнительное основание для прекращения защиты в нарушение национального законодательства и законодательства ЕС¹⁰.

4.8 Заинтересованные стороны отмечают, что, хотя Болгария является участницей соответствующих международных и региональных соглашений, она сохранила в отношении различных прав оговорки к Конвенции о статусе апатридов 1954 года и Европейской конвенции о гражданстве 1997 года, которые оказывают

par. 55 ; *Popov c. France*, requêtes n°s 39472/07 et 39474/07, arrêt, 19 janvier 2012, par. 91; и *Tarakhel c. Suisse*, requête n° 29217/12, arrêt, 4 novembre 2014, par. 99.

⁶ *Хаши против Дании* (CCPR/C/120/D/2470/2014), п. 9.10; и *Арайя против Дании* (CCPR/C/123/D/2575/2015), п. 9.7.

⁷ Cour européenne des droits de l'homme, *Tarakhel c. Suisse*, requête n° 29217/12, arrêt, 4 novembre 2014, par. 98 (citant l'affaire *Budina c. Russie*, requête n° 45603/05, décision, 18 juin 2009).

⁸ Cour de justice de l'Union européenne, *Ibrahim et al. c. Bundesrepublik Deutschland et Bundesrepublik Deutschland c. Magamadov*, affaires jointes C-297/17, C-318/17, C-319/17 et C-438/17, arrêt, 19 mars 2019, par. 90.

⁹ Haut-Commissariat des Nations Unies pour les réfugiés, « Submission by the United Nations High Commissioner for Refugees for the Office of the High Commissioner for Human Rights' compilation report – Universal Periodic Review: 3rd cycle, 36th session », soumission pour l'Examen périodique universel de la Bulgarie, octobre 2019, p. 1 et 3. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/UPR/Pages/UPRBGUNContributionsS36.aspx>.

¹⁰ Parlement européen et Conseil de l'Union européenne, Directive 2011/95/UE du 13 décembre 2011, *Journal officiel de l'Union européenne*, L 337, 20 décembre 2011, p. 9, art. 11 et 14.

непосредственное влияние на эффективность реализации прав лиц без гражданства в Болгарии. Они утверждают, что государства-участники должны обеспечить реализацию права детей на гражданство в соответствии со статьей 7 Конвенции таким образом, чтобы обеспечить принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка. Это обязательство требует от государств принятия активных мер по обеспечению защиты прав детей без гражданства, что в свою очередь требует, чтобы решения о возвращении принимались с учетом тщательной оценки всех фактов и обстоятельств, касающихся ребенка, для обеспечения реализации этого права таким образом, чтобы не сделать ребенка апатридом и чтобы в результате не были нарушены его другие основные права по Конвенции.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения, а также материалов, представленных третьими сторонами

5.1 В своих замечаниях от 23 июня 2020 года государство-участник утверждает, что часть сообщения является неприемлемой в соответствии с пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола, поскольку автор и ее сын не исчерпали внутренние средства правовой защиты в связи с утверждением о нарушении статей 7, 12, 24, 28, 29 и 39 Конвенции. Государство-участник отмечает, что автор и М.К.А.Х. прямо не заявляли о каком-либо нарушении Конвенции в контексте их ходатайства о предоставлении убежища ни в первой, ни во второй инстанции.

5.2 Государство-участник отмечает, в частности, что автор и ее сын не исчерпали доступные внутренние средства правовой защиты в отношении аргументов, касающихся состояния здоровья М.К.А.Х. Оно подчеркивает, что в ходе процедуры рассмотрения ходатайства она никогда не говорила, что М.К.А.Х. имеет проблемы психического характера. В частности, в ходе национальной процедуры не был представлен отчет о результатах психологической экспертизы от 23 июля 2019 года, подготовленный Службой детской и подростковой психиатрии и психотерапии Фонда Нант.

5.3 Государство-участник также указывает, что в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища автора ни прямо, ни косвенно не упоминала, что М.К.А.Х. ни разу не был заслушан в нарушение статьи 12 Конвенции. Таким образом, данная часть сообщения также должна быть признана неприемлемой в силу неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

5.4 В то же время государство-участник признает, что утверждения о нарушении статей 2 (п. 2), 3 (п. 1), 6, 16, 19, 22, 27 и 37 Конвенции рассматривались по существу в ходе апелляции и повторного рассмотрения дела.

5.5 Государство-участник также утверждает, что сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 7 (п. f) Факультативного протокола в силу своей явной необоснованности.

5.6 Государство-участник утверждает, что статьи 2 (п. 2), 3 (п. 1), 6 (п. 2), 16, 22, 24, 27, 28, 29 и 39 Конвенции не имеют прямого отношения к делу. Оно считает, что пункт 1 статьи 3 Конвенции является руководящим принципом, а другие статьи представляют собой положения общего или программного характера. Следовательно, эти статьи не закладывают основу субъективных прав, на нарушение которых можно ссылаться, и не считаются в Швейцарии непосредственно применимыми.

5.7 Государство-участник указывает, что большинство жалоб сформулированы в очень общих выражениях и что автор и М.К.А.Х. фактически добиваются новой оценки фактов, уже рассмотренных на национальном уровне Государственным секретариатом по вопросам миграции и Федеральным административным судом. За исключением жалоб, касающихся статей 3 (п. 1), 12, 16 и 22 Конвенции, все остальные жалобы относятся к ситуации в Болгарии, а не в Швейцарии. В этом отношении автор не доказывает, что существуют серьезные основания полагать, что в случае высылки в Болгарию М.К.А.Х. столкнется с предсказуемой, действительной, личной и реальной угрозой причинения ему непоправимого вреда, такому, который предусмотрен, в частности, статьями 6 и 37 Конвенции.

5.8 В дополнение к этому государство-участник считает, что в рассматриваемом деле Конвенция не была нарушена. Оно напоминает, что автор и М.К.А.Х. являются бенефициарами международной защиты в Болгарии. Оно подчеркивает, что Болгария ратифицировала Европейскую конвенцию по правам человека и обязана применять положения и других документов, касающихся прав человека и беженцев. В частности, она должна гарантировать бенефициарам международной защиты доступ к медицинскому обслуживанию, жилью и занятости на тех же условиях, что и гражданам государства-члена, предоставившего такую защиту.

5.9 Государство-участник подчеркивает, что высылка автора и М.К.А.Х. в Болгарию основана на Соглашении между Федеральным советом Швейцарии и правительством Республики Болгария о реадмиссии лиц, въехавших или проживающих без разрешения, от 21 ноября 2008 года.

5.10 Государство-участник поясняет, что статья 3 Конвенции не предоставляет субъективного права на получение убежища или права на проживание в конкретном государстве или регионе. Федеральный административный суд учитывал наилучшие интересы ребенка автора при принятии решения о высылке М.К.А.Х. в Болгарию. Он должным образом принял во внимание не только возраст ребенка (11 лет на тот момент), но и его связи с двоюродными братьями в Швейцарии, а также продолжительность его пребывания в этой стране, которая составила всего семь месяцев. Кроме того, в отношении дяди и двоюродных братьев ребенка, проживающих в Швейцарии, Суд счел недоказанным, что М.К.А.Х. и его мать нуждались в постоянном внимании и заботе, которые могли обеспечить только вышеупомянутые родственники.

5.11 Государство-участник указывает, что М.К.А.Х. возвращается из Швейцарии вместе со своей матерью, которая является тем лицом, которое может оказать ему наилучшую поддержку при переселении в Болгарию. Федеральный административный суд также констатировал, что из достоверных и непротиворечивых источников не следует, что Болгария систематически нарушает свои обязательства, вытекающие из Директивы 2011/95/EU от 13 декабря 2011 года о недискриминационном доступе к занятости, социальной помощи, здравоохранению, образованию и жилью для бенефициаров дополнительной защиты. Что касается доступа к медицинскому обслуживанию, государство-участник напоминает, что автор никогда не ссылались на медицинские проблемы М.К.А.Х. в суде.

5.12 Что касается, в частности, доступа к образованию, автор не продемонстрировала в Федеральном административном суде, что М.К.А.Х. будет полностью лишен возможности получить школьное образование. В этой связи, хотя Суд и признал отсутствие подготовительных классов, облегчающих интеграцию детей-бенефициаров дополнительной защиты в болгарскую национальную систему образования, доступ к образованию им гарантирован законом. Он также отметил, что местные организации предлагают курсы болгарского языка для детей.

5.13 Также как и Федеральный административный суд государство-участник напоминает, что, если автор и М.К.А.Х. будут вынуждены в силу обстоятельств долгое время вести жизнь, связанную с большими лишениями, или если они посчитают, что Болгария нарушает свои обязательства по предоставлению им помощи или каким-либо другим образом ущемляет их основные права, то они смогут отстаивать свои права непосредственно в болгарских инстанциях, используя соответствующие средства правовой защиты.

5.14 Что касается предполагаемых нарушений статей 6, 24, 27, 28 и 29 Конвенции, государство-участник принимает к сведению различные доклады, на которые ссылается автор, и не отрицает существования определенных трудностей, с которыми сталкиваются беженцы в Болгарии. Оно считает, что следует принять во внимание статистику, согласно которой в Болгарии 40,4 % населения в 2016 году находились под угрозой бедности или социальной изоляции. Государство-участник считает, что автор не продемонстрировала, что она и М.К.А.Х. столкнутся с дискриминацией по сравнению с другими иностранцами, легально проживающими в Болгарии, или даже с более гражданами, относящимися к наиболее бедным слоям населения. Оно также

утверждает, что упомянутые доклады о ситуации в Болгарии носят общий характер и не имеют конкретного отношения к личной ситуации автора и М.К.А.Х.

5.15 Государство-участник признает, что болгарская система здравоохранения пока еще не функционирует оптимально. Оно поясняет, что, хотя болгарские власти обязаны оплачивать медицинское страхование лицам, пользующимся международной защитой, на практике эти люди сталкиваются с определенными трудностями, но в той же мере, что и население Болгарии в целом. С учетом этого государство-участник считает, что медицинские проблемы, на которые запоздало указала автор, говоря о здоровье М.К.А.Х., безусловно, не являются настолько специфическими, чтобы их нельзя было бы решить в Болгарии. Более того, нет никаких доказательств того, что автор не имела бы доступа к важнейшим медицинским услугам.

5.16 Государство-участник также указывает, что лица, пользующиеся дополнительной защитой, имеют право на социальную помощь. Государство-участник сообщает, что помимо государственных структур в Болгарии существуют также благотворительные организации, в которые могут обратиться граждане третьих стран.

5.17 Государство-участник также отмечает, что, согласно статье 26 Директивы 2011/95/EU, государства-члены должны давать бенефициарам статуса беженца или дополнительной защиты разрешение работать по найму или заниматься индивидуальной трудовой деятельностью.

5.18 Кроме того, государство-участник сообщает, что, получив дополнительную защиту в Болгарии, автор и М.К.А.Х. больше не должны опасаться возможного произвольного задержания за незаконное проживание.

5.19 Государство-участник также считает, что автор не смогла доказать, что в случае возвращения ее и М.К.А.Х. в Болгарию будут нарушены статьи 2 и 7 Конвенции. Более того, насколько ему известно, нет никаких доказательств того, что автор инициировала процедуру признания безгражданства в Болгарии от имени М.К.А.Х. Таким образом, на данном этапе автор не может ссылаться на дискриминацию по причине статуса апатрида ее сына.

5.20 Государство-участник указывает, что, хотя статья 5 Постановления № 1 о порядке предоставления убежища от 11 августа 1999 года предусматривает, что лицо, демонстрирующее достаточную зрелость в суждениях, имеет право на рассмотрение заявленных им оснований для предоставления убежища, согласно практике Федерального административного суда, пункт 1 статьи 12 Конвенции не наделяет ребенка безусловным правом быть заслушанным устно и лично, особенно когда ребенку предоставляется возможность выразить свое мнение через представителя. Только если несовершеннолетний обладает необходимой трезвостью суждений и зрелостью, ему должна быть предоставлена возможность высказать свое мнение во время собеседования. Способность к достаточно зрелым суждениям можно предположить у молодого человека, близкого к совершеннолетию, чего нельзя сказать об М.К.А.Х. на момент подачи заявления о предоставлении убежища, и наличие у него таких способностей должен доказывать тот, кто намерен ими воспользоваться. На протяжении всей процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища М.К.А.Х. мог законно воспользоваться своим правом высказаться через свою мать.

5.21 Что касается предполагаемого нарушения статьи 16 Конвенции, государство-участник напоминает, что М.К.А.Х. будет возвращен в Болгарию вместе со своей матерью; поэтому утверждать, что у него не будет родственников в Болгарии, неправомерно. Государство-участник повторяет, что Федеральный административный суд установил, что непосредственное присутствие дяди и двоюродных братьев М.К.А.Х. никоим образом не является необходимым для удовлетворения жизненно важных потребностей ребенка и его матери, которые никоим образом от них не зависят в том смысле, в котором эту зависимость определил Европейский суд по правам человека.

5.22 Кроме того, государство-участник считает, что автор не продемонстрировала, каким образом оно нарушит статьи 19, 22, 37 и 39 Конвенции. Что касается предполагаемого нарушения статьи 22 Конвенции, оно напоминает, что автору и М.К.А.Х. была предоставлена дополнительная защита в Болгарии, и они имеют там законный вид на жительство. Что касается предполагаемого нарушения статьи 37 Конвенции, то, по мнению государства-участника, нет никаких доказательств того, что автор и М.К.А.Х. подверглись бы в Болгарии бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Касаясь предполагаемого нарушения статьи 39 Конвенции, государство-участник считает, что медицинские проблемы, на которые ссылается автор, не являются настолько специфическими, чтобы их нельзя было бы решить в Болгарии.

5.23 Что касается материалов, представленных третьими сторонами, государство-участник считает, что представленные общие замечания не дают оснований поставить под сомнение оценку дела национальными властями. По его мнению, высылка автора и М.К.А.Х. не противоречит принципу, требующему воздерживаться от принудительного возвращения (non-refoulement). Государство-участник также отмечает, что вопросы, поднятые третьими сторонами в связи с проблемой безгражданства, не поднимались ни прямо, ни по существу автором или ее сыном в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища в Швейцарии. Соответственно, оно считает, что это утверждение не является приемлемым в соответствии с пунктом е) статьи 7 Протокола.

Комментарии автора к материалам, представленным третьими сторонами

6.1 В своих комментариях от 16 июля 2020 года к материалам, представленным третьими сторонами, автор утверждает, что государство-участник недостаточно учитывает наилучшие интересы ребенка в своих решениях. Она также считает, что право ребенка быть заслушанным тесно связано с обязательством определить наилучшие интересы ребенка, поскольку взгляды ребенка должны учитываться при определении его интересов. По ее мнению, М.К.А.Х. был в том возрасте, когда он мог легко быть заслушан в соответствующей обстановке, благоприятной для ребенка.

6.2 В связи с обязательством воздерживаться от принудительного возвращения (non-refoulement) автор представляет два медицинских заключения от 7 июля 2020 года. Согласно первому заключению, подготовленному Анхелес Перес Фустер и Надей Буатай, М.К.А.Х. страдает от посттравматического стрессового расстройства и депрессии, которые связаны с травматическим опытом его нахождения в Болгарии, включая тюремное заключение и насилие со стороны болгарской полиции, внезапным исчезновением его отца и других членов семьи в Сирийской Арабской Республике, а также с серьезными психиатрическими проблемами автора. В заключении отмечается улучшение состояния М.К.А.Х., в том числе его успеваемости в школе. В нем также подчеркивается роль поддержки, которую играет в его жизни расширенная семья в Швейцарии. В заключении говорится также о необходимости дальнейшего получения М.К.А.Х. регулярного и непрерывного лечения. В заключении делается вывод, что резкий разрыв с окружением в Швейцарии серьезно угрожает его развитию как ребенка.

6.3 Второе медицинское заключение, подготовленное Джонатаном Драи и психологом-ординатором Мелин Максутаж, касается автора. В заключении перечисляются ее серьезные психиатрические проблемы, включая состояние тревоги и депрессию с сопутствующими суицидальными мыслями. В течение полутора лет автор получает непрерывное психиатрическое и психотерапевтическое лечение, включая анксиолитические препараты. Она посещает психотерапевта каждые две недели. В медицинском заключении подчеркивается, что автор поддерживает тесные связи со своим братом и невесткой в Швейцарии и что эти семейные связи имеют важное значение для стабилизации и поддержания ее психологического состояния. Более того, согласно заключению, внезапное прекращение лечения создаст угрозу декомпенсации и самоубийства и потребует немедленной госпитализации в психиатрическую клинику.

6.4 Автор согласна с третьей стороной и в том, что право ребенка на приобретение гражданства, согласно статье 7 Конвенции, истолкованное в сочетании с принципом наилучшего обеспечения интересов ребенка, требует, чтобы решения государств-участников о высылке не осуществлялись таким образом, чтобы ребенок становился апатридом и лишался других основных прав, предусмотренных в Конвенции. Она повторяет, что в результате высылки М.К.А.Х. рискует навсегда остаться без гражданства из-за отсутствия соответствующего законодательства в Болгарии.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника

7.1 В своих комментариях от 28 октября 2020 года к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения автор повторяет, что она обращала внимание швейцарских властей на свои психиатрические проблемы¹¹. В частности, она указывает, что 12 декабря 2018 года она проинформировала Федеральный административный суд, что встала в очередь на повторный прием к психиатру. 24 июня 2019 года автор приложила к поданному в Государственный секретариат по вопросам миграции ходатайству о пересмотре решения медицинского заключения от 4 июня 2019 года, согласно которому она страдает от тяжелой депрессии и посттравматического стрессового расстройства и что ей необходимо психиатрическое лечение, требующее посещения специалистов два раза в месяц, а также, возможно, приема медицинских препаратов. В заключении говорится, что автор проходит поддерживающую психотерапию, которая необходима для сохранения ее психологического здоровья и целостности. Прерывание лечения чревато серьезным риском ухудшения ее состояния, что может привести к необратимым хроническим нарушениям.

7.2 Автор заявляет, что 25 июня 2019 года Государственный секретариат по вопросам миграции отклонил ее ходатайство о пересмотре решения на том основании, что из представленного медицинского заключения не следует, что необходимое лечение и последующее наблюдение являются настолько специализированными, что их невозможно получить в Болгарии. Автор указывает, что в другом медицинском заключении, полученном государством-участником для проверки того, может ли пользоваться воздушным транспортом, говорится, что она страдает от тяжелого посттравматического стресса, тяжелых панических атак и тяжелых депрессивных эпизодов без психотических симптомов. В заключении говорится, что во время полета автор может прийти в возбужденное состояние и что прогноз на ее поездку является «неблагоприятным». Она повторяет, что ее собственное психическое состояние нельзя рассматривать отдельно от состояния М.К.А.Х., поскольку она является единственным человеком, ухаживающим за ним. Если произойдет декомпенсация, и она утратит способность заботиться о М.К.А.Х. должным образом, его благополучие окажется под прямой угрозой.

7.3 Что касается аргумента государства-участника о том, что Болгария является участником договоров по правам человека и поэтому должна защищать права автора и М.К.А.Х., автор утверждает, что оно упускает из виду реальное положение дел в этой стране с точки зрения риска остаться без крова и возможности пользоваться правом на здоровье и образование, о чем говорится в многочисленных докладах.

7.4 Кроме того, автор отмечает, что выводы Федерального административного суда относительно недостаточной интегрированности ее сына в Швейцарии утратили актуальность, поскольку к настоящему моменту он провел в Швейцарии уже более двух лет. Прилагая серьезные усилия для изучения французского языка и других предметов, он очень хорошо успевает в школе, серьезно относится к учебе и хорошо интегрировался в свой класс. Учителя подтвердили этот прогресс в письме в Комитет.

¹¹ В своих замечаниях государство-участник использовало слово «автор» в отношении ребенка. Эта путаница, возможно, ввела автора в заблуждение, заставив ее ответить на довод государства-участника и указать, что она обратила внимание властей государства-участника на свои проблемы со здоровьем.

7.5 Автор указывает, что, даже если значительная часть болгарского общества живет в бедности, бедные болгарские граждане говорят по-болгарски и имеют обширные семейные, социальные и профессиональные сети.

7.6 Наконец, в отношении аргумента государства-участника о том, что М.К.А.Х. мог бы быть заслушан, если бы доказал, что обладает необходимой зрелостью в суждениях, автор указывает, что в свете формулировки статьи 12 Конвенции государство-участник неоправданно перекладывает с себя бремя доказывания.

Дополнительные замечания государства-участника

8.1 В своих дополнительных замечаниях от 23 ноября 2020 года государство-участник повторяет, что проблемы со здоровьем М.К.А.Х. никогда не упоминались в национальных судах. Государство-участник не оспаривает, что проблемы со здоровьем автора были доведены до сведения властей, и ссылается на свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения.

8.2 Государство-участник также повторяет, что возражает против прямой применимости статей 19 и 39 Конвенции. Оно напоминает, что Федеральный административный суд действительно принял во внимание наилучшие интересы ребенка. Суд принял во внимание не только степень интеграции М.К.А.Х. в общество, но и, в частности, его возраст, личные и семейные связи, условия жизни в Болгарии и доступ к образованию.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 В соответствии с правилом 20 своих правил процедуры согласно Факультативному протоколу, прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

9.2 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что автор не исчерпала все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, имеющие отношение к ее жалобам на нарушение статей 7, 12, 24, 28, 29 и 39 Конвенции. Он отмечает, что автор не указала причины, по которым она не поднимала вопросы, связанные с предполагаемыми нарушениями статьи 29 Конвенции, в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что жалобы по статье 29 Конвенции, касающиеся, в частности, возвращения М.К.А.Х. в Болгарию, являются неприемлемыми в соответствии со статьей 7 е) Факультативного протокола.

9.3 Что касается статьи 12 Конвенции, Комитет отмечает, что, по мнению судов государства-участника, она не предоставляет ребенку безусловного права быть заслушанным устно и лично в ходе любого затрагивающего его судебного или административного разбирательства и что только при наличии у ребенка необходимой трезвости суждений и зрелости ему может быть предоставлена возможность быть заслушанным в ходе собеседования, причем способность здраво мыслить должна быть доказана самим ребенком, который намерен ей воспользоваться. Комитет также отмечает, что государство-участник не разъяснило, какое внутреннее законодательство регулирует право детей быть заслушанными или эффективные средства правовой защиты, имевшиеся в распоряжении М.К.А.Х., чтобы заявить о нарушении статьи 12 Конвенции. Исходя из этого, Комитет считает, что данная жалоба является неприемлемой в соответствии с пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола.

9.4 Комитет принимает к сведению, в частности, аргумент государства-участника о том, что автор никогда не утверждала в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, что у М.К.А.Х. были проблемы с психологическим здоровьем, и что психологическая оценка, подготовленная 23 июля 2019 года Службой детской и подростковой психиатрии и психотерапии Фонда Нант, никогда не представлялась в ходе национальной процедуры. Комитет отмечает, что автор не

указала, почему она прямо не ставила вопрос о психическом здоровье своего ребенка во время процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Соответственно, он приходит к выводу, что общие жалобы по статье 24 Конвенции, касающиеся, в частности, возвращения М.К.А.Х. в Болгарию и последствий этого возвращения для доступа к необходимым медицинским услугам, являются неприемлемыми в соответствии со статьей 7 е) Факультативного протокола.

9.5 В то же время Комитет считает, что жалобы на нарушение статей 7, 28 и 39 Конвенции в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища были заявлены по существу, и считает, что эти жалобы являются приемлемыми в соответствии со статьей 7 е) Факультативного протокола.

9.6 Комитет принимает к сведению доводы государства-участника о том, что положения статей 2 (п. 2), 3 (п. 1), 6 (п. 2), 16, 22, 24, 27, 28, 29 и 39 Конвенции не могут считаться основой субъективных прав, на нарушение которых можно ссылаться в Комитете¹². В этой связи Комитет напоминает, что Конвенция признает взаимозависимость и равную важность всех прав (гражданских, политических, экономических, социальных и культурных) в предоставлении всем детям возможности развивать свои умственные и физические способности, индивидуальность и таланты в максимально возможной степени¹³. Он также напоминает о том, что принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции, представляет собой триединое понятие, которое одновременно является материальным правом, толковательным принципом и правилом процедуры¹⁴. В этой связи Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 5 (п. 1 а)) Факультативного протокола индивидуальные сообщения могут представляться против государства — участника Конвенции лицами или группами лиц, или от имени таких лиц или групп лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения этим государством-участником любого из прав, предусмотренных в Конвенции. Соответственно, Комитет считает, что в статье 5 (п. 1 а)) Факультативного протокола нет ничего, что могло бы указывать на ограниченный подход к правам, на нарушение которых можно ссылаться в рамках процедуры представления и рассмотрения индивидуальных сообщений. Комитет также напоминает, что он имел возможность вынести решение по предполагаемым нарушениям статей, на которые ссылались в рамках механизма представления индивидуальных сообщений¹⁵.

9.7 Комитет принимает также к сведению аргумент государства-участника, утверждающего, что сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 7 (п. f) Факультативного протокола в силу своей беспочвенности или недостаточной обоснованности. В этой связи Комитет считает, что автор не представила достаточных доказательств для выполнения требования обосновать свои утверждения, касающиеся пункта 2 статьи 2 Конвенции. На этом основании Комитет объявляет указанные жалобы необоснованными и неприемлемым согласно пункту f) статьи 7 Факультативного протокола.

9.8 При этом Комитет считает, что автор достаточно обосновала для целей приемлемости свои жалобы по статьям 3 (п. 1), 6 (п. 2), 7, 12, 16, 22, 27, 28, 37 и 39 Конвенции, утверждая, что а) государство-участник не обеспечило наилучший учет интересов ребенка автора и не заслушала последнего при рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища; и б) что М.К.А.Х. подвергнется реальной угрозе бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и не сможет воспользоваться соответствующими мерами физической и психологической реабилитации в случае возвращения в Болгарию. Ввиду этого Комитет объявляет эту часть жалобы приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

¹² *Е.А. и Ю.А. против Швейцарии* (CRC/C/85/D/56/2018), п. 6.5.

¹³ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 15 (2013), п. 7.

¹⁴ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 14 (2013), п. 6.

¹⁵ *М.Т. против Испании* (CRC/C/82/D/17/2017), п. 12.5; *К.Р. против Парагвая* (CRC/C/83/D/30/2017), п. 7.5; и *Ж.А.Б. против Испании* (CRC/C/81/D/22/2017), п. 12.5.

Рассмотрение по существу

10.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 10 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что государство-участник не приняло во внимание наилучшие интересы ребенка при рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища в нарушение статьи 3 Конвенции. Он также принимает к сведению утверждения автора о том, что их высылка в Болгарию нарушит права М.К.А.Х. по статьям 3 (п. 1), 6 (п. 2), 22, 27, 28, 37 и 39 Конвенции, поскольку, будучи ребенком, травмированным вооруженным конфликтом в Сирийской Арабской Республике, и вследствие своего статуса беженца, он не сможет получить в Болгарии поддержку, необходимую для достойной жизни, с доступом к образованию, жилью, медицинской помощи и социальной поддержке, необходимой для его социальной реинтеграции и реабилитации. Комитет также принимает во внимание утверждения автора о том, что состояние ее собственного психического здоровья, включая тяжелые психические расстройства, нельзя рассматривать отдельно от состояния здоровья ее ребенка, поскольку она является единственным человеком, который мог бы обеспечить ему необходимый уход в Болгарии.

10.3 Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что Федеральный административный суд принял во внимание наилучшие интересы ребенка автора, вынося решение о возвращении М.К.А.Х. в Болгарию, учитывая его возраст, его связи с двоюродными братьями и дядей в Швейцарии, а также продолжительность его пребывания в этой стране, которая составила около семи месяцев. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что при анализе наилучших интересов ребенка швейцарские власти в своих решениях не приняли во внимание следующие утверждения: а) в Болгарии М.К.А.Х. подвергался словесному и физическому насилию, имеющему признаки ксенофобии; б) М.К.А.Х. содержался под стражей в бесчеловечных условиях и страдал от бесчеловечных условий в лагерях, и он будет вновь серьезно травмирован высылкой в Болгарию; в) находясь в Болгарии, М.К.А.Х. почти год не посещал школу; г) М.К.А.Х. и автор не получали никакой помощи для интеграции в болгарское общество; д) у М.К.А.Х. и автора нет родственников в Болгарии; е) в случае высылке автору грозит декомпенсация из-за ее проблем с психическим здоровьем и отсутствия доступа к соответствующим медицинским услугам; ж) М.К.А.Х. и автор могут остаться без крова и оказаться бездомными, поскольку интеграционная политика Болгарии является очевидно порочной; и з) М.К.А.Х. может стать апатридом.

10.4 Комитет напоминает, что в его замечании общего порядка № 6 (2005) говорится, что государства не должны возвращать ребенка в ту или иную страну, если имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность того, что ему может быть причинен непоправимый вред, например, но не исключительно, такой, какой оговорен в статьях 6 и 37 Конвенции; и что такие обязательства воздерживаться от принудительного возвращения (*non-refoulement*) применяются вне зависимости от того, совершаются ли серьезные нарушения прав, гарантированных в Конвенции, негосударственными субъектами и носят ли такие нарушения целенаправленный характер или же являются косвенным следствием тех или иных действий или бездействия. Оценка степени опасности таких серьезных нарушений должна производиться с учетом факторов возраста и пола¹⁶. Такая оценка должна проводиться в соответствии с принципом осмотрительности и в случае наличия обоснованных сомнений в том, что принимающее государство может защитить ребенка от таких угроз, государства-участники должны воздерживаться от депортации ребенка¹⁷.

¹⁶ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 6 (2005), п. 27; и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, общая рекомендация № 32 (2014), п. 25.

¹⁷ *К.И.М. против Дании* (CRC/C/77/D/3/2016), п. 11.8.

10.5 Комитет напоминает, что одним из наиважнейших соображений, которые надлежит учитывать при принятии решений, касающихся депортации ребенка, должно быть обеспечение наилучших интересов ребенка и что такие решения должны приниматься в соответствии с процедурой, предусматривающей надлежащие процессуальные гарантии того, что после возвращения ребенка ему будет обеспечена безопасность и предоставлены надлежащий уход и возможности для осуществления его прав¹⁸. Комитет также напоминает о том, что бремя доказывания не может возлагаться исключительно на автора сообщения, особенно потому, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и нередко лишь государство-участник располагает соответствующей информацией¹⁹.

10.6 В этой связи Комитет принимает к сведению приведенные автором и третьими сторонами сообщения о том, что в Болгарии нет программы интеграции бенефициаров международной защиты, которые сталкиваются с серьезными трудностями в доступе к жилью, занятости, социальным пособиям и медицинскому обслуживанию. Он принимает, в частности, к сведению вышедший в октябре 2019 года доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, в котором говорится, что отсутствие адекватных условий приема и перспектив интеграции вынуждает многих просителей убежища покидать страну до рассмотрения их ходатайства или вскоре после предоставления убежища, что в Болгарии не существует адресных мер содействия интеграции и поддержки людей с особыми потребностями, и что угроза остаться без крова является реальной²⁰. Комитет также принимает во внимание решение Комитета по правам человека в деле *Р.А.А. и З.М. против Дании*, в котором Комитет посчитал, что возвращение супружеской пары и их ребенка в Болгарию нарушит их права по статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку они рискуют столкнуться с лишениями и нуждой, а отец не будет иметь доступа к необходимой ему медицинской помощи²¹.

10.7 Комитет отмечает, что при анализе ходатайства о предоставлении убежища государство-участник приняло во внимание тот факт, что Болгария является участником договоров, касающихся прав человека и защиты лиц, пользующихся дополнительной защитой, включая Директиву 2011/95/EU, но не учло должным образом многочисленные сообщения, указывающие на то, что риск бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с детьми в ситуациях, аналогичных ситуации М.К.А.Х., является реальным. Комитет также отмечает, что государство-участник не приняло должным образом во внимание ситуацию М.К.А.Х. как жертвы вооруженного конфликта и просителя убежища, который предположительно подвергался жестокому обращению во время пребывания в Болгарии, и что оно не попыталось предпринять необходимые шаги для проведения персонифицированной оценки риска, которому М.К.А.Х. подвергнется в Болгарии, проверив, какими на самом деле будут условия приема для него и автора, в том числе с точки зрения доступа к образованию, занятости, жилью, медицинской помощи и другим услугам, необходимым для физической и психологической реадaptации ребенка и его реинтеграции в общество²². Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что граждане третьих стран могут прибегнуть к помощи благотворительных организаций в Болгарии. При этом он считает, что поддержка

¹⁸ См. замечания общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка, пп. 29 и 33.

¹⁹ *М.Т. против Испании* (CRC/C/82/D/17/2017), п. 13.4; *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Демократии* (CCPR/C/91/D/1422/2005), п. 6.7; и *Меджнун против Алжира* (CCPR/C/87/D/1297/2004), п. 8.3.

²⁰ Haut-Commissariat des Nations Unies pour les réfugiés, « Submission by the United Nations High Commissioner for Refugees for the Office of the High Commissioner for Human Rights' compilation report – Universal Periodic Review: 3rd cycle, 36th session », soumission pour l'Examen périodique universel de la Bulgarie, octobre 2019, p. 1 et 3.

²¹ *Р.А.А. и З.М. против Дании*, пп. 7.7 и 7.9; см. также *А.Н. против Швейцарии* (CAT/C/64/D/742/2016), п. 8.7.

²² *Йасин против Дании* (CCPR/C/114/D/2360/2014), п. 8.9; и *Й.А.А. и Ф.Х.М. против Дании* (CCPR/C/119/D/2681/2015), п. 7.7.

благотворительных организаций — это не выполнение государством своих обязательств, а паллиатив.

10.8 По мнению Комитета, государство-участник, по всей видимости, также не уделило должного внимания проблемам психического здоровья автора, подтвержденным медицинскими заключениями, и не пыталось выяснить, действительно ли ее особые медицинские потребности могут быть удовлетворены в Болгарии. Комитет считает, что психическое здоровье матери — главного человека для ребенка, осуществляющего за ним уход, — имеет важнейшее значение для гармоничного развития и выживания ребенка. В этой связи он отмечает, что автор не говорит на болгарском языке, столкнется с большими трудностями в поиске работы на местном рынке и не будет иметь средств для получения медицинских услуг.

10.9 Соответственно, Комитет считает, что государство-участник не приняло во внимание наилучшие интересы ребенка автора в качестве главного соображения при оценке угроз, которым подвергнется М.К.А.Х. в случае возвращения в Болгарию, и не приняло надлежащих мер предосторожности для обеспечения того, чтобы М.К.А.Х. не подвергся бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в стране назначения, что является нарушением пункта 1 статьи 3 и потенциальным нарушением статей 6 (п. 2), 22, 27, 28, 37 и 39 Конвенции.

10.10 Комитет отмечает, что, когда автор и М.К.А.Х. подавали ходатайство о предоставлении убежища, они прямо указали, что М.К.А.Х. является лицом без гражданства. Он отмечает, что государство-участник не попыталось предпринять необходимые шаги для проверки того, может ли ребенок получить гражданство в Болгарии. Комитет считает, что соблюдение статьи 7 Конвенции требует от государств принятия позитивных мер для реализации права на приобретение гражданства. Государство-участник, зная о безгражданстве М.К.А.Х., должно было принять все необходимые меры к тому, чтобы удостовериться, что он будет иметь возможность получить гражданство в случае возвращения в Болгарию. Следовательно, с учетом обстоятельств настоящего дела Комитет считает, что в случае возвращения в Болгарию права М.К.А.Х. по статье 7 Конвенции будут нарушены.

10.11 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что государство-участник нарушило статью 12 Конвенции, поскольку национальные органы не заслушали М.К.А.Х., которому в том период было 11 лет, в ходе рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Он также принимает к сведению доводы государства-участника, утверждающего, что ребенок не был заслушан ввиду его юного возраста и что он воспользовался своим правом быть заслушанным через свою мать. Комитет напоминает, что статья 12 Конвенции гарантирует право ребенка быть заслушанным в ходе любого затрагивающего его судебного или административного разбирательства. Он напоминает, что после того, как ребенок примет решение быть заслушанным, ему предстоит определить, каким образом он хочет быть заслушан: либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган²³. Он напоминает также, что в этой статье не устанавливается какого-либо возрастного ограничения в отношении права ребенка выражать свои взгляды и что она не поощряет государства-участники к введению законодательно или на практике возрастных ограничений, которые ущемляли бы право ребенка быть заслушанным по всем затрагивающим его вопросам. Комитет не разделяет аргумент государства-участника о том, что М.К.А.Х. должен был продемонстрировать свою способность к зрелым суждениям и прямо попросить заслушать его. Комитет напоминает, что определение наилучших интересов детей требует, чтобы их ситуация оценивалось отдельно, какими бы ни были причины, заставившие их родителей подать ходатайство о предоставлении убежища²⁴. Поэтому, учитывая обстоятельства данного дела, Комитет считает, что отсутствие прямого собеседования с ребенком представляет собой нарушение статьи 12 Конвенции.

²³ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 12 (2009), п. 35. См. там же, пп. 36 и 37.

²⁴ *Е.А. и Ю.А. против Швейцарии*, п. 7.3.

10.12 Что касается статьи 16 Конвенции, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что решение о высылке также нарушит права М.К.А.Х., поскольку он будет разлучен со своим дядей и двоюродными братьями, единственными членами его семьи в Европе, и что отношения с ними имеют основополагающее значение для его благополучия и социальной реинтеграции. В то же время Комитет принимает во внимание аргумент государства-участника о том, что М.К.А.Х. будет возвращен в Болгарию вместе со своей матерью, и что Федеральный административный суд счел недоказанным, что он его привязанность к дяде и двоюродным братьям делает его зависимым от них. Комитет отмечает, что «семья» по смыслу Конвенции означает целый комплекс структур, способных обеспечить ребенку младшего возраста уход, воспитание и развитие, включая нуклеарную семью, расширенную семью и другие традиционные или современные формы организации общинного уровня²⁵. С учетом конкретных обстоятельств настоящего дела Комитет считает, что любое разлучение М.К.А.Х. с его двоюродными братьями и дядей вполне может создать дополнительные трудности для развития ребенка и его социальной реинтеграции. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что возвращение М.К.А.Х. в Болгарию будет представлять собой произвольное вмешательство в его личную жизнь в нарушение его прав, предусмотренных статьей 16 Конвенции.

11. Действуя в соответствии с пунктом 5 статьи 10 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений, Комитет констатирует, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статей 3 (п. 1) и 12 Конвенции и что возвращение М.К.А.Х. и его матери в Болгарию также нарушит статьи 6 (п. 2), 1, 16, 22, 27, 28, 37 и 39 Конвенции.

12. В силу этого государству необходимо:

а) пересмотреть решение о возвращении М.К.А.Х. в Болгарию в соответствии с Соглашением между Федеральным Советом Швейцарии и правительством Республики Болгария о реадмиссии лиц, въехавших или проживающих без разрешения;

б) срочно провести повторное рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища автору и М.К.А.Х., обеспечив, чтобы наилучшие интересы ребенка были главным соображением и чтобы М.К.А.Х. был должным образом заслушан, и принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, включая, с одной стороны, проблемы с психическим здоровьем автора и ее ребенка в результате многочисленных травмирующих событий, пережитых ими как жертвами вооруженного конфликта и просителями убежища, и их потребность в специальном лечении, а также доступность такого лечения в Болгарии, и, с другой стороны, фактические условия приема М.К.А.Х. в Болгарии как ребенка, сопровождаемого лишь его матерью, которая не знает болгарского языка;

в) принять во внимание при повторном рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища угрозу того, что М.К.А.Х. останется апатридом в Болгарии;

г) обеспечить получение М.К.А.Х. квалифицированной психосоциальной помощи для содействия его реабилитации;

е) принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы подобные нарушения не повторялись, в том числе: i) устранить все правовые, административные и финансовые барьеры, с тем чтобы гарантировать всем детям доступ к адаптированным к их особенностям процедурам оспаривания затрагивающих их решений; ii) систематически заслушивать детей в контексте процедур рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища; и iii) обеспечить соответствие национальных протоколов возвращения детей или реадмиссии третьими странами положениям Конвенции²⁶.

²⁵ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 7 (2005), п. 15.

²⁶ *Е.А. и Ю.А. против Швейцарии*, п. 9.

13. В соответствии с положениями статьи 11 Факультативного протокола Комитет просит государство-участник как можно скорее, но не позднее, чем через 180 дней, представить ему информацию о мерах, принятых им в целях выполнения настоящих соображений. Государству-участнику также предлагается включить информацию о таких мерах в свои доклады Комитету, представляемые в соответствии со статьей 44 Конвенции. В заключение Комитет просит государство-участник обеспечить публикацию настоящих соображений и их широкое распространение на официальных языках государства-участника.
